

УДК 008:1 (Цивилизация. Культура. Прогресс. Культурология в целом. Футурология. Прогнозирование, планирование цивилизации, культуры, прогресса. Философия. Философские науки. Психология)

**СОЦИАЛЬНО-РЕГУЛЯТИВНЫЕ АСПЕКТЫ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО Я
В КОНЦЕПЦИЯХ НАГУАЛИЗМА И ПОСТМОДЕРНИЗМА**

© 2017 А.И.Белкин

Белкин Антон Игоревич, доктор психологических наук, профессор кафедры общей и социальной психологии.

E-mail: rotati@mail.ru

Самарский государственный социально-педагогический университет. Самара, Россия

Статья поступила в редакцию 21.06.2016

В данной статье рассматривается феноменология человеческого Я в контексте проблематики жизни и смерти в нагуализме и постмодернизме. *Концепция нагуализма* в литературе, философии, трансперсональной психологии представлена работами Карлоса Кастанеды, в которых описан особый взгляд на человеческое Я, практически не имеющий аналогов в отечественной и зарубежной западной и восточной литературе. Сами книги посвящены обучению главного персонажа – Карлоса у индейского мага дона Хуана Матуса, который передает своему ученику особый взгляд на мир, в корне отличающийся от западного представления об окружающей действительности. *Другой подход* связан с течением постмодернизма, для которого исходным фактом является язык, текст, произведение. В основу постмодернизма легли концепции, разработанные в рамках постструктурализма. Но если структурализм стремился выявить присущие всему изначальные структуры, постулировал неразрывность означающего и означаемого, то постструктурализм подверг жесткой критике его идеи. Структуралисты использовали естественнонаучные методы. В отличие от них, постструктуралисты склонны к «активной игре свободной интерпретации». *Вывод*: В концепциях нагуализма и постмодернизма постулируется зависимость человека от смыслового определения действительности, связанного с формированием субъективной картины мира и социальной категоризации явлений. Различия проходят в способах достижения свободы, которая в нагуализме рассматривается как изменение в когнитивной сфере, в способности к остановке внутреннего диалога и достижению особых эффектов восприятия, а в постмодернизме – как творчество, способность к созданию новых текстов, выходящих за рамки языковых стереотипов своего времени.

Ключевые слова: феноменология человеческого Я; концепции нагуализма и постмодернизма.

Исходным фактом кастанедовского утверждения становится тезис о том, что человеческое Я – это, прежде всего, «воспринимающее Я» [1], то есть главным фактом существования Я является перцепция, восприятие. Это не внутреннее постижение, не ощущение гармонии и целостности бытия, не процессы мышления, а тот или иной опыт, который оказывается доступным в зависимости от способности самого субъекта воспринимать. Данная способность, в свою очередь, обусловлена количеством свободной энергии, которая есть у человека [2].

Дон Хуан подчеркивает, что в восприятии внешний образ и испытываемая эмоция слиты и постижение реальности предполагает понимание испытываемых субъектом чувств. Этот взгляд пересекается с представлениями современных когнитивных психологов о том, что мы воспринимаем мир апперцептивно, то есть не в чистом виде, а на основе своего прошлого опыта,

через так называемые перцептивные гипотезы, представляющие в сжатом виде уже готовые слепки восприятия внешнего мира. Они актуализируются, когда Я воспринимает единицы опыта, похожие на имеющиеся в его сознании образцы – прототипы [3].

Погрузимся в кастанедовскую феноменологию бытия. Миром «я называю все, что нас окружает» [4]. Мир рассматривается одновременно как физический и энергетический, который можно воспринимать по-разному: «смотреть» означает воспринимать обычным физическим зрением; «видеть» – ближе к инсайту, догадке, интуиции, когда человек получает знание непосредственно, минуя дискурсивную цепочку рассуждений. «Видеть» означает воспринимать за пределами синтаксиса, литературы, языка. В постижении реальности центральная роль отводится человеческому Я: «Искусство воина состо-

ит в сохранении равновесия между ужасом быть человеком и чудом быть человеком» [5].

Для того, чтобы научиться видеть, нужно остановить внутренний диалог или привычный взгляд на мир. Самое сложное в этом процессе – эго-личность, которая мешает достичь полного внутреннего безмолвия. Единственным способом самосовершенствования Я является разрушение зеркала саморефлексии, потеря интереса к себе или смерть личности.

Смерть личности знаменует новый этап, когда происходит преодоление чувства собственной важности и отрешение от эгоистических целей. Согласно Кастанеде, для того, чтобы обрести новую и полную уверенность в своих действиях или в своей позиции в новом взгляде на мир, или для того, чтобы разумно использовать свою новую последовательность, человек должен сделать недействительной последовательность своей прежней жизни. Только тогда его действия будут обладать уверенностью, необходимой для того, чтобы укрепить и сбалансировать незначительность и нестабильность его новой последовательности. Этот процесс недействительности называется свидетельством безупречности или символической, но окончательной смертью [6].

Следовательно, в нагуализме основным фактом человеческого поведения является внутренний диалог и эгоцентризм человеческого Я. Единственным способом изменения считается остановка внутреннего диалога и разрушение саморефлексии, которое рассматривается как символическая смерть личности. Социально-регулятивным фактором является внутренний диалог и психологические механизмы проекции Я на окружающую действительность.

Другой подход связан с течением постмодернизма, для которого исходным фактом является язык, текст, произведение. В основу постмодернизма легли концепции, разработанные в рамках постструктурализма. Но если структурализм стремился выявить присущие всему изначальные структуры, постулировал неразрывность означающего и означаемого, то постструктурализм подверг жесткой критике его идеи. Структуралисты использовали естественно-научные методы. В отличие от них, постструктуралисты склонны к «активной игре свободной интерпретации».

Так, Ж.Деррида, который, наряду с М.Фуко, является ключевой фигурой постмодернизма, отрицает не интенциональность, референцию или самосознание, но только метафизическое представление, что существует какого-либо рода непосредственный контакт Я с самим собой или

с другим Я, или с его объектами взаимодействия вне царства знаков [7].

Весь мир понимается Дерридой как бесконечный текст. Все тексты равнозначны, ни один из них не обладает приоритетом. Философия, психология, литература, наука – это различные тексты. Развивая идеи структурной лингвистики, Деррида приходит к выводу, что слово и обозначаемое им понятие не тождественны, так как то, что обозначается, никогда не присутствует в знаке.

Деррида внес свой вклад и в разработку проблемы «свободы субъекта». В постструктурализме было отвергнуто традиционное представление о субъекте как активном существе, наделенном волей, независимым и осознанно строящим свою жизнь. Постструктуралисты доказывали зависимость сознания индивида от языковых стереотипов своего времени. Собственно свобода связана со свободой интерпретации, что предполагает игровой принцип функционирования сознания. Интерпретация таит в себе возможность творить новые смыслы. Это есть путь к власти, к господству над миром, так как наложение нового смысла на любой феномен материальной или духовной действительности означает его подчинение этому смыслу [7, с. 46].

По мнению другого крупного представителя постмодернизма и постструктурализма М.Фуко, человек не способен объяснить свою сексуальность, бессознательное, управляющие им системы языка и свои мыслительные схемы, не может дать себе отчет в том, что формирует и изменяет его дискурс. В свой более ранний период Фуко рассматривает человека как дискурсивную функцию, критикует понятие автора как сознательного творца своего произведения, рассматривая его как место пересечения дискурсивных практик, навязывающих ему свои идеологии.

В более поздний период Фуко частично оправдывает субъекта, который, как «носитель воли к власти» в роли автора текста обретает некоторую легитимность как активный «воспроизводитель дискурсивных и социальных практик» [8]. Таким образом, несмотря на господство культурного бессознательного над сознанием индивида, последний имеет возможность сопротивления этому диктату. Следовательно, в постмодернизме социально-регулятивные функции выполняет, прежде всего, язык, социально-дискурсивные практики, представляющие собой язык, находящийся в тандеме с властью. Наделение явлений действительности тем или иным смыслом означает их подчинение этому смыслу. Сознание субъекта рассматривается как место

пересечения социально-дискурсивных практик, а его относительная свобода – с возможностью интерпретации и творчества.

В концепциях наугализма и постмодернизма постулируется зависимость человека от смыслового определения действительности, связанного с формированием субъективной картины мира и социальной категоризации явлений. Различия

проходят в способах достижения свободы, которая в наугализме рассматривается как изменение в когнитивной сфере, в способности к остановке внутреннего диалога и достижению особых эффектов восприятия, а в постмодернизме – как творчество, способность к созданию новых текстов, выходящих за рамки языковых стереотипов своего времени.

1. *Readers of infinity*. No 1. Magazine of an applied hermeneutics. USA, 1996. P. 1.
2. Кастанеда К. Дар Орла. Огонь изнутри. Киев, Изд-во София, 1993. С. 423.
3. Солсо Р. Когнитивная психология. СПб., Изд-во Питер, 2002. С. 83–94.
4. Кастанеда К. Путешествие в Икстлан. М., 1991. С. 134: <http://e-libra.ru/>
5. Кастанеда К. Колесо времени. Киев, 1994. Изд-во София, С. 47.
6. Кастанеда К. Сила безмолвия. Киев, 1993. София, С. 351.
7. Ильин И.П. Постструктурализм. Деконструктивизм. Постмодернизм. М., Изд-во Интрада, 1996. С. 86.
8. Easthope A. British post-structuralism since 1968. L.; N.Y., 1988. P. 217.

SOCIALLY-REGULATIVE ASPECTS OF HUMAN I IN THE CONCEPTS OF NAUGALIZM AND POSTMODERNISM

© 2017 A.I.Belkin

Anton I. Belkin, doctor of psychology, professor of the department of general and social psychology.
E-mail: rotati@mail.ru

Samara State University of Social Science and Education. Samara, Russia

The article discusses the phenomenology of the human I in the context of topics of life and death in the naugalizm and postmodernism. *Concept of naugalizm* is proposed by works of Carlos Castaneda in literature, philosophy, transpersonal psychology, in which the special view on human I is defined and practically deficient correlates in patriotic, foreign west and east literature. The books are dedicated to the training of the main character-Carlos with Indian sorcerer don Juan Matus, who brings the special view of universe, which worlds apart west perception about real world. *The other approach is related to postmodernism*, for which datum is language, text and writing. There are concepts in postmodernism, which develop in poststructuralism. But if structuralism pressed for signification subsistent all original structure, postulated the continuity of significant and signified, that poststructuralism is fiercely critical of its ideas. Structuralists used natural-science methods. In contrast to them, poststructuralists prone to "active game of available interpretations." *Conclusion*: The dependence of person is postulated from semantic definition of reality in the concepts of naugalizm and postmodernism, and it associated with the formation of subjective picture of world and social categorisation of seemings. Controversies transmit in road of latitude, which is typified as a change in cognitive sphere in naugalizm, in capacity for stop internal discourse and achievement of special perceptual effects, and as evocation, constructiveness of new texts, which exceed the limits of linguistic stereotypes of its time in postmodernism.

Keywords: phenomenology of human I; concepts of naugalizm and postmodernism.

1. *Readers of infinity*. No 1. Magazine of an applied hermeneutics. USA, 1996. P. 1.
2. Kastaneda K. Dar Orla. Ogon' iznutri (Eagle's gift. The fire from within). Kiev, Izd-vo Sofiia, 1993. S. 423.
3. Solso R. Kognitivnaia psikhologiya (Cognitive psychology). SPb., Izd-vo Piter, 2002. S. 83–94.
4. Kastaneda K. Puteshestvie v Ixstlan (Journey to Ixtlan). M., 1991. S. 134: <http://e-libra.ru/>
5. Kastaneda K. Koleso vremeni (The wheel of time). Kiev, 1994. Izd-vo Sofiia, S. 47.
6. Kastaneda K. Sila bezmolviia (The power of silence). Kiev, 1993. Sofiia, S. 351.
7. Il'in I.P. Poststrukturalizm. Dekonstruktivizm. Postmodernizm (Poststructuralism. Deconstruction. Postmodernism). M., Izd-vo Intrada, 1996. S. 86.
8. Easthope A. British post-structuralism since 1968. L.; N.Y., 1988. P. 217.